

Размышляя над прочитанным

УДК 336.012.23, 336.74, 338.12, 338.27

ГЛАВНЫЙ ПАРАДОКС РЫНОЧНОЙ ЭКОНОМИКИ, ИЛИ ФИНАНСОВАЯ ВОЙНА КАК НОВАЯ «ХОЛОДНАЯ ВОЙНА»

© 2015 г. **В.С. Васильев, Е.А. Роговский***
Институт США и Канады РАН, г. Москва

В статье анализируются сценарии финансовых войн, разрабатывавшиеся в США и применённые против Ирана в 2012–2013 гг. Эти войны основаны на использовании кибероружия, способного дестабилизировать работу фондовых рынков и валютных бирж и нанести больший ущерб экономическим системам, чем системы боевого оружия. Методологически теория финансовых войн основана на постулате о том, что даже небольшие изменения в функционировании финансовых систем способны породить коллапс национальной экономики.

Ключевые слова: *финансовая война, финансовое кибероружие, устойчивость финансово-экономической системы, секулярная стагнация, российско-американские отношения.*

Биржа стала слишком уязвимой для манипулирования: опасны не только банды инсайдеров, но и внешние хакеры

Широкое распространение современных информационно-коммуникационных технологий (ИКТ) и далеко зашедшая глобализация сделали американскую биржу весьма уязвимой. Можно констатировать, что в настоящее время она стала слишком доступной для манипулирования, причём не только для множества внутренних инсайдеров, но также и для внешних хакеров. Ярким примером этой уязвимости явились события 6 мая 2010 г., когда один из «торговых роботов» Нью-Йоркской фондовой биржи «заклинился» на торговле фьючерсами на акции одной ведущей компании. Это спровоцировало снижение цен и на всех остальных рынках – нефтяном, валютном и ряде других. Во время возникшей паники торговые компьютерные роботы провели огромное количество сделок; в этот день на всех площадках из одних рук в другие перешли 29 миллиардов (!) акций. По многим бумагам на рынке сразу же сло-

* **ВАСИЛЬЕВ Владимир Сергеевич** – доктор экономических наук, главный научный сотрудник ИСКРАН. E-mail: vsvasiliev@mail.ru); **РОГОВСКИЙ Евгений Александрович** – кандидат экономических наук, руководитель Центра военно-промышленной политики ИСКРАН. E-mail: rogowsky@rambler.ru).

Окончание. Начало см.: «США ❖ Канада», 2015, № 2.

жилась совершенно неадекватная ситуация – они обесценились почти до нуля. В результате в течение очень короткого времени капитализация котирующихся на бирже американских компаний упала более чем на 1 трлн. долл., а индекс Доу-Джонса понизился более чем на 9% [3, с. 467–474].

Вполне возможно, что истинной причиной случившегося биржевого краха могла быть целенаправленная хакерская атака на компьютерную программу, управлявшую упомянутым торговым роботом. Успехи хакеров и реакция рынка демонстрируют, что рынки находятся в крайне нервном состоянии и могут резко реагировать на внешнее воздействие. Так, 1 августа 2012 г. произошёл инцидент, получивший в СМИ название «Фиаско рыцаря капиталов». Ошибка в программном обеспечении стала причиной того, что один из биржевых компьютеров «обезумел» и буквально «затопил» Нью-Йоркскую фондовую биржу «бешеными» приказами. Всего за несколько минут «рыцарь» закупил нежелательных акций на 7 млрд. долл. и потерял ещё 440 млн. долл., уже пытаясь их распродать. Пока это событие развивалось, никто из участников биржи проблемы не видел и даже не думал останавливать торги («дёрнуть стоп-кран»). Наконец, «проснувшись», администрация Нью-Йоркской фондовой биржи заблокировала деятельность «рыцаря».

Это событие указало на одно из наиболее опасных финансовых мошенничеств, когда в одном сценарии комбинируются и кибератака, и финансовое нападение. В этом случае кибератака используется для захвата контроля над программой входных приказов компьютерам-трейдером с целью модификации приказов на продажу основных финансовых инструментов.

Финансовые кибервойны

Дж. Рикардс подчёркивает, что американские биржи могут подвергаться целенаправленному вражескому воздействию. Он обращает внимание на существование оружия, которое можно назвать киберфинансовым и которому должно быть найдено противодействие. В частности, 12 октября 2012 г. Федерация американских учёных провела в Вашингтоне игру – финансовую войну, включающую сценарии горячей войны между Израилем и Ираном. Участникам был предоставлен условный военный сценарий и затем их попросили оценить финансовое влияние этой войны и показать, как финансовое оружие может быть использовано для умножения поражающего эффекта силового воздействия на противника.

25 октября 2012 г. корпорация «Боинг» провела игровую финансовую войну во время выездной конференции в Бреттон-Вудсе (штат Нью-Хэмпшир). Эта конференция проходила в историческом «Маунт Вашингтон отеле», где в 1944 г. состоялась знаменитая Бреттон-Вудская конференция, по решению которой была создана международная финансовая система, действовавшая до 1971 г., когда президент США Р. Никсон закрыл «золотое окно» и отменил свободный обмен долларов на золото. Хотя «Боинг» является корпорацией, а не суверенным государством, заинтересованность компании в финансовом оружии в высшей степени показательна. Фирма, являясь одним из крупнейших мировых экспортёров авиатехники, имеет сотрудников в 70 странах и потребителей в 150 странах. Её военное отделение производит наиболее сек-

ретные технические платформы, используемые в сфере национальной безопасности США. С точки зрения потенциала использования финансового оружия в мире насчитывается очень немного компаний, имеющих такие же возможности, как «Боинг».

30 октября 2012 г. Университет национальной обороны США завершил одногодичную (!) виртуальную игровую финансовую войну, в которой участвовали шесть ведущих военных экспертов из академических кругов, отраслевых рабочих групп и банков. Спонсором этой игры выступило Тихоокеанское командование США; его результаты нашли отражение в 104-страничном совершенно секретном итоговом докладе.

Как видно, активность в области финансового оружия высока, но тем не менее она не отражает всей полноты угрозы. Кибератаки на инфраструктуру США, включая банки и иные финансовые институты, нарастают и могут быть весьма разнообразными по форме. Дж. Рикардс обращает внимание на инцидент, имевший место в конце 2011 г., когда был взломан компьютер главы Федеральной комиссии по биржам и ценным бумагам М. Шапиро, занимавшей эту должность с января 2009 г. по декабрь 2012 г., и её персональная информация была украдена.

23 апреля 2013 г. был взломан твиттер-аккаунт агентства Ассошиэйтед пресс, который затем был использован для распространения ложного сообщения о том, что Белый дом атакован, а президент Б. Обама ранен. (Это ложное сообщение прошло на следующий день после террористического акта на марафоне в Бостоне.) В результате распространения этого сообщения индекс Доу – Джонса рухнул более чем на 140 пунктов, а биржевые активы подешевели на 136 млрд. долл. и восстановились только после того, как это сообщение было признано ложным. Ответственность за проведённую атаку взяла на себя связанная с Ираном хакерская группа «Сирийская электронная армия».

Ещё более значимый инцидент произошёл 22 августа 2013 г., когда из-за компьютерных и коммуникационных проблем на три часа была парализована фондовая биржа НАСДАК. Причины этого инцидента общественности так и не были объяснены. (Не исключалась атака со стороны Иранского командования киберобороны.) В августе 2012 г. с помощью цифрового вируса «Шэмун» иранские киберсилы вывели из строя 30 тыс. компьютеров саудовской нефтяной корпорации «Сауди Арамко».

Дж. Рикардс предупреждает, что финансовое оружие может пробить защитный барьер биржи и привести к её закрытию. Последующая паника породит многомиллиардные потери. С очень высокой вероятностью может начаться новый глобальный кризис. Такое предупреждение позволяет говорить об опасном чрезмерном либерализме регулирующих структур, об отсутствии у них адекватных технических возможностей обеспечения контроля и предотвращения внешних кибератак. Поэтому плохо контролируемые регулирующими органами компьютерные инновации на фондовых биржах, как и применяемые инвестиционными институтами США методы расчёта инвестиционных рейтингов, обязательно должны рассматриваться в контексте проблем международной информационной и экономической безопасности.

Книга Дж. Рикардса даёт ясно понять, что сегодня, когда фондовый рынок стал реальным компонентом системы обеспечения национальной безопасности США, существующего механизма государственного регулирования финансовых рынков явно недостаточно. Именно поэтому соответствующие задачи и были поставлены перед американскими спецслужбами. Очевидно, что, решая эти задачи, спецслужбы могут опираться на свой огромный информационный потенциал, способный лишить авторов опасных инсайдерских сделок надежды «урвать и удрать». Складывается впечатление, что именно страх публичного разоблачения помогает дисциплинировать всех участников финансовых рынков и в настоящее время как бы «заполняет брешу» традиционных методов их регулирования.

Возможные сценарии финансовых войн: теория и практическая апробация

Пока деятели из кругов национальной безопасности лишь выражали свою обеспокоенность в отношении перспектив и возможного исхода финансовых войн, сотрудники Министерства финансов США и ФРС не обращали на них почти никакого внимания. Казначейство традиционно исходило из того, что целью финансовой войны является исключительно финансовый выигрыш, а потому придерживалось мнения, что Китай или иные державы никогда не будут в такую войну ввязываться, поскольку это может привести к слишком большим потерям в их собственной экономике.

Такая наивность в отношении реальных целей применения финансового оружия, по мнению Дж. Рикардса, просто опасна. Он утверждает, что современная Америка слишком «недооценивает опасности киберфинансовых атак, а также не осознаёт риски возможной глобальной финансовой войны» [10, р. 7]. Рикардс полагает, что целью финансовой войны является не финансовый выигрыш, а подавление стремления врага к геополитическим преимуществам в конкретных сферах. Создание портфельного дохода не имеет ничего общего с финансовой атакой. Если атакующий может привести оппонента в состояние, близкое к коллапсу, и парализовать его с помощью финансовой катастрофы, добившись преимуществ и на других фронтах, тогда финансовая война будет считаться успешной даже в том случае, когда атакующему это дорого обойдётся, и он понесёт большие затраты. Все войны имеют свою цену и некоторые из них настолько разрушительны, что восстановление требует многих лет или даже десятилетий. Но это не означает, что войны не случаются или что те, кто их инициирует, не находят других преимуществ, несмотря на затраты.

В книге Рикардса рассмотрен следующий пример. Если Китай в результате финансовой войны с США потеряет 25% своих золотовалютных резервов, то это составит примерно 750 млрд. долл. Это стоимость 12 современных авианосцев класса «Форд». Строительство и ввод в строй сопоставимых авианосных сил обошлось бы США более чем в 400 млрд. долл. Обеспечение этих авианосцев с помощью кораблей, подлодок, а также наземных сил и персонала, повысило бы стоимость ещё больше. Другими словами, стоимость конфронтации с США в финансовой войне может быть не ниже, чем конфронтация на море и в воздухе, а наносимый ущерб может быть даже выше. У Китая нет

флота современных авианосцев, но у него есть деньги и компьютеры, и он сам может выбрать поля сражений.

Сможет ли Китай в случае финансовой войны защитить свои активы от замораживания или девальвации, переведя их в ценные бумаги или золото, – вот вопрос, который сейчас исследуется очень тщательно. Каждый миллиард, переведённый Китаем в золото, сокращает его финансовую уязвимость и склоняет баланс между портфельными потерями и стоимостью вооружений в пользу финансовой войны. О наличии подобных намерений у Китая свидетельствует его статус крупнейшего в мире покупателя золота.

Казначейство США и ФРС учитывают возможность так называемого «временного» эффекта, когда атака, которая слишком дорогая в краткосрочном плане, может стать выгодной в плане долгосрочном. В самом деле, какие бы потери Китай ни потерпел в результате финансовой войны из-за сокращения стоимости своего портфеля ценных бумаг, они могут быть быстро компенсированы договорённостями, достигнутыми по окончании войны в ходе мирных переговоров. Когда условия нормализуются, соответствующие счета могут быть разморожены, а рыночные потери могут обернуться выигрышем. С другой стороны, геополитический выигрыш Китая в районах Тайваня или Восточно-Китайского моря может быть постоянным. Американская экономика в случае финансовой войны пострадает значительно сильнее [10, p. 60–61].

Министерство финансов США и ФРС официально не признают реальность угрозы финансовой войны, заблуждаясь в отношении статистических особенностей измерения рисков, а также используемых моделей экономического равновесия. Эти модели предполагают наличие эффективного рынка и рационального поведения его участников, что не соответствует реальному рынку. В отношении финансового оружия точка зрения финансистов состоит в том, что враги, атакующие конкретные акции (активы) или рынки, окажутся в проигрыше, поскольку рациональные инвесторы станут быстро скупать всё то, что будет продаваться насильно. Такое поведение существует только в относительно спокойном «невозмущённом» рынке, но в случае реальной паники давление продаж самодостаточно, они раскручиваются сами собой, и покупателей не хватает. Основная паника будет распространяться экспоненциально и приведёт к полному коллапсу в случае отсутствия форс-мажорных действий правительства.

За последние 60 лет такая паника возникала фактически дважды. В сентябре 1998 г. глобальный рынок капиталов оказался всего лишь в нескольких часах от коллапса, который был предотвращён тем, что Федеральный резервный банк г. Нью-Йорка предоставил 4 млрд. долл. инвестиционному фонду «Лонг-терм капитал менеджмент». В октябре 2008 г. глобальный рынок капитала был всего лишь в нескольких днях от секвестра большинства основных банков, когда Конгресс одобрил План спасения финансовой системы США, разработанный под руководством тогдашнего министра финансов Г. Поулсона.

И в первом, и во втором случае Минфин США и ФРС исходили из предположения, что если и поскольку США не начнут финансовую войну против Китая, то и Китай не предпримет ответной атаки на США. Такая близорукость далека от предотвращения войны и даже, наоборот, может явиться принципиальной причиной войны, поскольку не позволяет постичь намерения врага и его

возможности. Там, где речь заходит о финансовом оружии, подчёркивает Рикардс, возможные перспективы его применения слишком важны, чтобы оставлять их на усмотрение только Министерства финансов и ФРС [10, р. 62].

Для того чтобы финансовое оружие стало эффективным политическим инструментом, не обязательно начинать глобальную финансовую войну. Оно необходимо для того, чтобы угрозы были серьёзными. Можно предположить, что президент США отступит от военной защиты Тайваня, если Китай даст чётко понять, что такие действия вызовут уменьшение активов Соединённых Штатов на триллион долларов и даже больше. При таком сценарии Тайвань останется один на один со своей судьбой. Получается, что возможные действия военного командования США были бы сдержаны китайским оружием уничтожения богатства.

Можно утверждать, что сегодня в любых сценариях конфронтации крупных держав должны учитываться возможности применения противниками финансового оружия большой «разрушительной» мощности. Возможно, самой большой финансовой угрозой является то положение, что эти сценарии могут «сыграть» случайно. В середине 1960-х годов в разгар «холодной войны» и истерии в отношении ядерных атак и взаимного гарантированного уничтожения, на экраны вышли построенные на сценариях ядерной войны между США и СССР два культовых фильма – «Система безопасности» и «Доктор Стрейнджлав». Ни одна из сторон войны не хотела, но она тем не менее началась из-за компьютерной проблемы и действий злоумышленников в военной форме.

Сегодня рынки капитала чрезвычайно предрасположены к «авариям», как это продемонстрировали вышеописанные инциденты. Финансовая атака может начаться «случайно» во время рутинного обновления или «обкатки» программного обеспечения. В 1998 и 2008 гг. рынки капитала почти коллапсировали даже без «помощи врага»; в ближайшие годы риск подобного коллапса, случайного или преднамеренного, является удручающе высоким.

Финансовые войны могут вызвать общественно-политический кризис нового типа, с малым объёмом физических потерь, либо вообще без таковых. Не будет убит ни один чиновник, а командные цепочки останутся нетронутыми. Поскольку атакам не нужна вспомогательная инфраструктура, то коммуникации будут функционировать в нормальном режиме. А вот страна пострадает так же, как если бы произошло землетрясение, поразившее основные города, поскольку будут потеряны триллионы долларов национального богатства. Банки и биржи закроются, а ликвидность на рынках превратится в дым. Исчезнет доверие. У ФРС, напечатавшей после 2008 г. 3 трлн. долл., не будет возможности или кредитоспособности напечатать новые деньги. За этим вскоре может последовать и социальный взрыв.

Метаморфозы «самоорганизующейся критичности»

Дж. Рикардс обращает внимание на предложения, так сказать, лежащие на поверхности, а именно на «разукрупнение банков», на «возвращение к системе региональных бирж», и даже на возвращение к «монетарной системе золота, поскольку золото нельзя стереть в цифровой флешке». Однако он сетует

на то, что «эти лечебные шаги ни Конгрессом, ни Белым домом всерьёз не рассматриваются» [10, p. 64].

В ином русле лежат рекомендации разведывательного сообщества. Экспоненциальный характер угрозы означает, что основные усилия должны быть направлены на своевременное выявление негативных факторов. Колоссальный информационно-технологический потенциал, которым в настоящее время располагает разведывательное сообщество США, позволяет не только противодействовать агрессивным планам и намерениям внешних врагов (в том числе отдельных хакеров), но и выявлять бандитов-инсайдеров.

Финансовые аналитики разведывательного сообщества США довольно быстро выявили фундаментальную слабость математических моделей и инструментов обработки статистических данных, которыми пользуются академические экономисты для анализа закономерностей функционирования фондовых рынков – всех этих наборов случайных чисел, стохастических систем, нелинейных функций и регрессий. Современные сложные финансовые системы отличаются одной фундаментальной особенностью: одно небольшое событие, почти незаметное и случайное, может сравнительно быстро спровоцировать цепочку катастрофических изменений. Рикардс указывает, что в обычных условиях сложные системы ведут себя как обычные системы, а их стохастические свойства представляются стабильными и сравнительно легко предсказуемыми, как вдруг в какой-то момент одно случайное событие приводит к резкому переходу количества в качество, порождая системный коллапс*.

Но чтобы распознать негативную тенденцию на её ранней стадии, надо следить за многочисленными по виду незначительными изменениями социально-экономических и поведенческих характеристик, теневыми параметрами, неявными факторами и малозаметными событиями. Это уже не просто игра в рыночную экономику – здесь следует иметь в виду не только естественные корыстные намерения (мотивацию) участников глобального рынка, но также и враждебные замыслы внешних противников. В этом-то и состоит вся сложность контроля над состоянием мировых фондовых рынков, поскольку «сложные системы могут мгновенно перейти из докритической в критическую фазу. Они метаморфозируются так же, как гусеница превращается в бабочку. (В физике этот процесс называется "самоорганизованной критичностью".) Социальные системы, к которым относятся и рынки капитала, характеризуются подобного рода способностью к критической самоорганизации. В один день фондовый рынок ведёт себя нормально, а на следующий день он неожиданно рушится» [10, p. 270].

В сложных системах повышение степени риска возникновения критически кризисных ситуаций происходит экспоненциально. Если система увеличивается в 2 раза, то степень риска может возрасти в 10 раз, что и объясняет феномен того, почему «каждый финансовый кризис оказывается "сюрпризом" для банкиров и регулирующих органов» [10, p. 270]. Прогнозирование является, по существу, задачей, которую должны решать не столько учёные, обладающие «исто-

* Показательно, что в научно-методологическом обосновании Нобелевского комитета присуждения Нобелевской премии за 2013 г. прямо говорилось о том, что общим итогом работ Ю. Фамы и его коллег явился вывод о том, что «в краткосрочном плане изменения котировок акций практически невозможно спрогнозировать» [12, p. 2].

рическим багажом», сколько кадровые сотрудники разведывательного сообщества, вооружённые мощными компьютерами и большими массивами данных.

Но дело не только в прогнозировании! Уж если разведчики отследят какую-либо потенциальную угрозу, они должны иметь полномочия её нейтрализовать. Уолл-стрит должна постоянно находиться «на мушке» у ЦРУ, и поэтому все потенциальные правонарушители должны задуматься о последствиях своей деятельности и бояться публичного разоблачения. Такой страх будет стабилизировать биржевой рынок. Фактически речь идёт о применении для регулирования современных фондовых рынков информационного сдерживания. По нашему мнению, такое информационное оружие уже создано и работает, причём не только против зарубежных угроз. Судя по всему, именно разведывательное сообщество США «вычислило» Б. Мэдоффа как главного виновника краха банка «Леман бразерс» и посчитало такой его бизнес представляющим чрезмерный риск для экономики США в целом.

Системная оценка устойчивости финансовой инфраструктуры США

В 2011 г. Счётная палата США, во многом под влиянием мирового финансово-экономического кризиса 2007 – 2009 гг., впервые за 100-летнюю историю ФРС (!) опубликовала результаты частичной бухгалтерской проверки её деятельности. Проверка, в частности, выявила, что в разгар этого кризиса, с декабря 2007 по июнь 2010 г., ФРС тайно пыталась спасти множество мировых банков и корпораций [7, р. 130-136].

Мониторинг американской финансовой инфраструктуры позволил выявить объективную тенденцию: в США нарастает борьба дефляции с инфляцией. Именно эта тенденция была положена в основу «стресс-теста», которому разведывательное сообщество США подвергло монетарную политику одного из самых непрозрачных ведомств федерального правительства – ФРС – по выводу американской (и мировой) экономики из «Великой рецессии» 2007-2009 годов.

С наступлением мирового финансово-экономического кризиса осенью 2008 г. ФРС оказалась в сложнейшем положении (наподобие буриданова осла) между двумя экстремумами дефляции и инфляции, которые не встречались в практике монетарной политики США на протяжении последних 70 лет со времени Второй мировой войны. Общая модель «реперных точек» монетарной политики ФРС в трактовке разведывательного сообщества США представлена на схеме.

Дж. Рикардс утверждает, что финансово-экономический кризис 2007-2009 гг. создал в экономике ситуацию «естественной дефляции». В настоящее время силы, действующие в частном секторе американской экономике, тяготеют «к дефляции, в то время как государство стремится к инфляции». Если ФРС «ослабит свои усилия по печатанию денег, то дефляция быстро охватит всю экономику, что будет иметь катастрофические последствия для общенациональной задолженности США, государственных доходов и банковской системы в целом» [10, р. 76]. Дефляция может спровоцировать обрушение пирамиды накопленных и быстро растущих государственных и частных долгов – как в секторе домашнего хозяйства, так и в частном нефинансовом корпоративном секторе США.

По состоянию **на конец 2014 г., суммарный объём задолженности в США достиг почти 58 трлн. долл.**, из которых на долю государства (на всех уровнях) пришлось 15,8 млрд. долл., на долю сектора домохозяйств – 13,4 трлн. долл., на долю частного нефинансового сектора экономики – 11,8 трлн. долл. и на долю частного финансового сектора – немногим больше 14,0 трлн. долл. [6, р. 5]. ВВП США в настоящее время чуть превышает 17,5 трлн. долл. (в текущих ценах), и получается, что пирамида валовых американских долгов почти в 3,5 раза превышает ВВП, поэтому обрушение пирамиды долгов действительно может иметь апокалипсические последствия как для американской экономики, так и для общества в целом.

В этой связи не может не впечатлять то, как после кризисных потрясений 2008 г. ФРС использует печатный станок в качестве главного фактора противодействия дефляции и облегчения долговой зависимости всех секторов американской экономики. Начиная с 2009 г. ФРС ежегодно печатала 1 трлн. новых долларов, и в результате к началу 2015 г. денежная база превысила 4,5 трлн. долл. [5, р. 1] по сравнению с 800 млрд. долл. в 2008 г. (до начала мирового финансово-экономического кризиса), т.е. увеличилась почти в 6 раз (!). Как подчёркивает Дж. Рикардс, монетизация долга за счёт стремительного увеличения размеров денежной базы «в исторической перспективе является шагом на пути к полному краху экономической и политической системы, что имело место, начиная с Древнего Рима и кончая современной Аргентиной» [10, р. 159].

Монетарная политика подобного рода породила в США два вида инфляции, которая в принципе имеет перспективы перерастания в гиперинфляцию. Во-первых, она породила инфляцию на рынке потребительских товаров и услуг. Рикардс, опираясь на расчёты разведывательного сообщества США, указывает, что реальная долларовая инфляция в американской экономике составляет в настоящее время 9%, а не 2%, как утверждают официальные публикации ФРС [10, р. 3]. Во-вторых, резко усилилась инфляция активов, и в результате

к середине второго десятилетия текущего столетия на фондовых рынках США «надулся» третий за последние 15 лет пузырь, который может лопнуть в любой момент [10, р. 2].* Начало возможных потрясений в американской экономике обусловлено также и тем обстоятельством, что нынешний экономический подъём (начиная с середины 2009 г.) продолжается уже шесть лет, а как показывает американский опыт предыдущего исторического периода с 1945 г., длительность фазы подъёма в среднем на протяжении последних 11 циклов (до 2009 г.) составляла примерно пять лет [рассчитано по: 9, р. 1].

Вместе с тем, общим результирующим итогом балансирования между дефляцией и инфляцией для поддержания положительной динамики на фондовых рынках США явилось формирование ситуации «секулярной стагнации», характеризующейся сравнительно низкими темпами экономического роста, высокой безработицей и высокой инфляцией на рынках ценных бумаг (то есть их фактической уценкой). Логическим следствием «секулярной стагнации» является политика низких или нулевых процентных ставок, проводимая ФРС с конца 2008 г. Именно эта политика и создала ситуацию постоянно формирующихся «рациональных» финансовых пузырей на фондовых рынках, поскольку в условиях, когда процентные ставки существенно отстают от темпов экономического роста, инвесторы усиленно переводят так называемые «надёжные активы» в спекулятивные, размещаемые на фондовых рынках для биржевых игр. Это происходит потому, что спекулятивный «пузырь является активом, цена которого заметно выше текущей стоимости формируемого им потока доходов» [11, р. 13-14]. Иными словами, в условиях «секулярной стагнации» свободные капитальные ресурсы инвестируются в спекулятивные финансовые пузыри, а не в расширение реального экономического производства.

Симптоматика приближающегося «великого краха II»

Летом 2014 г. стали известны основные положения секретного доклада, подготовленного директором национальной разведки для Белого дома, в котором говорится о возможном биржевом крахе в американской экономике. Общий вывод доклада состоит в том, что если в ходе «Великой рецессии» 2007 – 2009 гг. американская экономика понесла экономические потери в **60 трлн. долл.**, то в результате приближающегося биржевого краха потери могут достигнуть **100 трлн. долл.**, что практически наверняка означает возвращение синдрома «Великой депрессии» 1930-х годов, которая также может продолжаться не одно десятилетие.

* В частности, в конце 2014 г. – начале 2015 г. индекс Доу – Джонса оказался на исторически рекордном уровне в 18,0 тысяч пунктов, индекс «Стэндрд энд Пурс 500» – на отметке 2,1 тыс. пунктов, основной индекс НАСДАК – на отметке 4,8 тыс. пунктов.

** В период со второго квартала 2009 г. по первый квартал 2014 г. среднегодовые темпы роста реального ВВП США составили анемичные 2,1% [8, р. 1]. Для сравнения можно указать, что в период 2002–2007 гг. среднегодовые темпы роста реального ВВП США составляли 2,7%, и этот показатель на тот момент был самым низким за все периоды подъёмов американской экономики после Второй мировой войны.

Главным спусковым механизмом биржевого краха, по всей видимости, явится обрушение мирового рынка долгов, а именно, рынка производных финансовых инструментов (деривативов), объём которого в середине 2014 г. достиг 691,5 трлн. долл. [4, р. А-141], (мировой ВВП в 2014 году составил около 78,0 трлн. долл.). Девятикратное (692:78) соотношение долгов к ВВП является очевидным проявлением «пузыря», раздувшегося на мировых фондовых рынках, в том числе и по вине ФРС США.

Но ещё более тревожным представляется соотношение капитализации фондовых рынков к ВВП. В настоящее время оно составляет 203%; точно таким же оно было и перед биржевым крахом 2000 г., когда лопнул пузырь информационно-коммуникационных технологий. Накануне краха осенью 2008 г. это соотношение равнялось 183%, а в 1929 г. накануне «великого краха 1929 г.» было меньше 87% (!). Именно на основании этого показателя аналитики американского разведывательного сообщества и предрекают США неизбежный биржевой крах «по образу и подобию 1929 года».

Фактически уровень всех критически важных показателей, характеризующих состояние мировых и американских фондовых рынков, позволяет провести чёткие параллели между нынешней ситуацией и «Великой депрессией» 1930-х годов, а также «Великой рецессией» 2007–2009 гг. В частности, резкое увеличение денежной базы в американской экономике сопровождалось прогрессирующим падением скорости обращения денежной массы; исчисляемый ФРС этот показатель, характеризующий соотношение номинального ВВП и денежной массы, составляет в настоящее время всего 1,3, что является наименьшим его значением по сравнению с 1932–1933 гг. – нижней точкой экономического кризиса 1929–1933 годов.

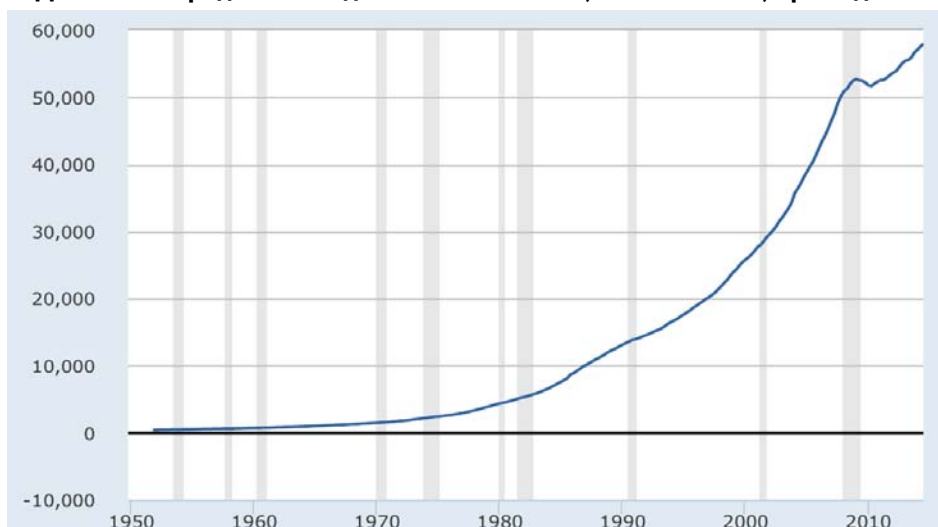
При этом ФРС практически исчерпала свои возможности по «обеспечению» общей (суммарной) задолженности частного сектора американской экономики: резервам ФРС, составляющим сейчас всего 56,2 млрд. долл., противостоит 4,3 трлн. долл. плохо обеспеченных долговых обязательств финансового и нефинансового корпоративного секторов экономики США. Соотношение «долги/резервы» в настоящее время достигло рекордных 77:1 (!). В 2008 г., накануне «Великой рецессии», оно составляло 22:1, что, возможно, и спровоцировало финансовый крах осенью 2008 года.

Активы ФРС едва могут покрыть прямые долги одной только банковской системы США, которые в настоящее время достигли 60 трлн. долл. Однако самым тревожным следствием является тот факт, что **начиная с 2013 г. рост задолженности банковского сектора американской экономики намного превышает прирост номинального ВВП! На каждый доллар прироста ВВП банки сегодня выдают кредит в 30 долларов, в то время как оптимальным считается соотношение 2 : 1.**

Дополнительным фактором неустойчивости являются обязательства федерального правительства. В настоящее время валовый долг федерального правительства уже превысил 18,0 трлн. долл. При этом сумма уже принятых на себя федеральным правительством обязательств, главным образом, по линии социальных программ, достигает 127 трлн. долл., Это также может спровоцировать панику на финансовых рынках, ибо федеральное правительство вынуж-

График

Динамика кредитной задолженности США, 1950-2014 гг., трлн. долл.

Board of Governors of the Federal Reserve System (US). All Sectors; Credit Market Instruments; Liability, Level [TCMDO]. Federal Reserve Bank of St. Louis (<https://research.stlouisfed.org/fred2/series/TCMDO/>), January 5, 2015.

ждено выбирать между обслуживанием своего долга и выполнением социальных обязательств. И если федеральное правительство встанет на путь отказа от выполнения своих обязательств, может произойти дестабилизация социально-политической ситуации.

Помимо этого, прогрессирующее ухудшение соотношения долга федерального правительства к ВВП, которое в настоящее время уже превысило 100%, означает, что резервы дальнейшего долгового стимулирования развития американской экономики практически исчерпаны. Согласно расчётам аналитиков американской разведки, если в 1950–1960-х годах один доллар долговых обязательств федерального правительства обеспечивал рост ВВП США на 2,41 доллара, в 1970-е годы – на 0,41 доллара, то в настоящее время он сократился до 0,03 доллара. В теории сложных систем, о которой мы упоминали выше, этот показатель является критическим для развития любой системы: как только его значение станет отрицательным, может произойти крах американской социально-экономической системы в целом.

Кризис может быть также усугублён ухудшением социально-экономического положения большей части американского электората. Исчисляемый разведывательным сообществом США так называемый «Индекс несчастья» (*Misery index*) населения США, суммирующий реальную инфляцию и реальную норму безработицы, в настоящее время составляет 33%. Для сравнения можно указать, что в 1933 г. он составлял 27%. В этом контексте Дж. Рикардс подчёркивает, что ситуация может быть ещё более усугубиться, а американское разведывательное сообщество не исключает, что в США могут возникнуть массовые волнения и беспорядки. Этот прогноз в полной мере оправдался в ноябре – декабре 2014 г., когда волна протестов в связи с событиями в

г. Фергюссоне в августе 2014 г. прокатилась по 170 американским городам и населённым пунктам.

В последние несколько десятилетий рост общей кредитной задолженности в США принял характер, очень близкий к экспоненциальному (график 1). При этом, начиная с середины 1980-х годов, объём кредитной задолженности США каждые десять лет примерно удваивается.

Корпоративная подоплёка «холодной» финансовой войны

Применение для прогнозирования состояния финансового рынка теории сложных систем (*фактически теории катастроф!*) с теоретической точки зрения можно считать обоснованным. Потенциальный риск краха такой системы является прямой функцией её масштаба. Измеряемый объёмом деривативов масштаб современных финансовых систем беспрецедентно возрос. Следовательно, беспрецедентно возрос и риск финансовой катастрофы. Именно эта ситуация, судя по всему, и вынуждает высшее политическое руководство США всё активнее прибегать к использованию системы чрезвычайных мер по управлению различными сегментами американской экономики.

Ещё в середине 2012 г. президент Б. Обама издал серию директив (исполнительных указов) о мобилизационном режиме функционирования американской экономики [2]. В ноябре 2014 г. Белый дом издаёт беспрецедентный в американских исторических анналах указ об административном проведении иммиграционной реформы (в обход Палаты представителей Конгресса США), которая позволяет получить вид на жительство примерно 5 млн. незаконных иммигрантов, находящихся в настоящее время на территории США [13]. В этом контексте можно вполне однозначно утверждать, что Америка ко всем видам «чрезвычайщины» достаточно хорошо подготовлена.

Сложная система глобальных финансов развивается по экспоненте, и неопределённость в ней похоже скоро достигнет предела. ЦРУ в своём докладе даже предсказало возможный горизонт начала цепочки катастрофических сдвигов в финансово-экономической системе США начиная с весны 2015 года.

На этом фоне складывается впечатление, что всё происходящее сейчас вокруг российской валюты и экономики, можно считать **новым форматом «холодной войны»**, который за последние 25 лет Соединённые Штаты постепенно выработали и настоящее время стали активно применять на практике. Финансовая «холодная война», подобно «классической» форме «холодной войны» второй половины XX века в её милитаристском издании, коренится в самой сути рыночных отношений как на национальном, так и на глобальном уровнях. Как подчёркивал независимый швейцарский финансовый аналитик А. Каспар, «интеллектуализацию производства, способную улучшить уровень и качество жизни, существующая финансовая система превратила в доход с капитала, как всё под себя подминающий идеал, запустивший в экономике разрушительные процессы и ставший властью, насилием, инстинктом, современной формой принуждения для большинства людей» [1, с. 30]. В этих условиях финансовая «холодная война» становится естественным продолжением внутрен-

ней «разрушающей» финансовой политики, логически продолжаемой правящими финансовыми кругами США применительно к более слабым и уязвимым в финансово-экономическом отношении странам.

Помимо этого, следует указать и на такой важнейший эволюционный фактор российско-американских отношений как финансово-экономический «базис» тех политических кругов, которые в различные отрезки времени определяли направленность межгосударственных отношений между нашими странами. Сравнительно дружественные, можно даже сказать – союзнические отношения, сложившиеся между Россией и США в период 2001–2007 гг., в решающей степени определялись не столько общей заинтересованностью в глобальной войне с мировым терроризмом, сколько заинтересованностью в поддержании высоких мировых цен на углеводороды. Республиканская администрация Дж.Буша-мл. открыто выражала интересы топливно-энергетического комплекса США и быстро трансформировала войну с мировым терроризмом в передел мирового энергетического рынка, пытаясь через системы высоких цен на нефть на мировых рынках укрепить позиции энергетических корпораций США – финансовых спонсоров Республиканской партии США. Такой подход соответствовал и национальным интересам России.

Пришедшая к власти в 2009 г. демократическая администрация Обамы выражает интересы высокотехнологичного и наукоёмкого сегментов американской экономики, заинтересованных в сравнительно низких ценах на энергоносители, в том числе и на внутреннем рынке. И отнюдь не случайно, что одной из самых первых инициатив администрации Обамы в экономической политике явилось провозглашение цели снижения зависимости американской экономики от импорта энергоносителей. И по мере того, как энергетическая стратегия администрации Обамы с её упором на развитие «зелёных технологий» давала всё больший экономический эффект, происходило последовательное ухудшение российско-американских отношений, кульминация которых наступила в 2014 г. и совпала с резким падением мировых цен на нефть начиная с лета 2014 года

В последние годы в США опубликован ряд исследований, в которых анализируется взаимовлияние Уолл-стрит и высшего политического руководства США. В частности, из данных за 2013 г. (см. таблицу) следует, что самый большой доход конгрессменам-республиканцам принесли акции железнодорожных (29%) и наукоёмких компаний (10%), а также компаний из сферы здравоохранения (13%). Наибольшую прибыль конгрессменам-демократам обеспечили акции наукоёмких компаний (24%) и компаний из потребительского сектора (15%).

Таблица подкрепляет тезис о том, что структурные сдвиги в американской экономике имеют сложную причинно-следственную связь. Она состоит в том, что в их осуществлении заинтересованы определённые политические силы, которые в свою очередь получают определённый экономический выигрыш от их реализации. График также позволяет лучше понять логику финансовой «холодной войны», ибо в настоящее время произошло существенное падение биржевых позиций военно-промышленных корпораций США. Как и в условиях классической «холодной войны», финансовая война ведётся по той причине,

Таблица

**Доходность акций, принадлежащих конгрессменам
от разных партий, %**

Отрасли экономики/сферы бизнеса	Республиканцы	Демократы
«Голубые фишки»	6	3
Телекоммуникации	2	-1
Потребительские товары	7	15
ВПК	-5	-5
ТЭК	4	-6
Финансы	8	1
Продовольствие	4	6
Здравоохранение	13	-2
Страхование	6	...
Железные дороги	29	...
Наукоёмкие отрасли	10	24
Табачная промышленность	8	...
Прочие отрасли	12	...

*Bump Philip. Republican Members of Congress Have Done Better than Democrats on the Stock Market This Year // The Washington Post/ November 18, 2014
(<http://www.washingtonpost.com/blogs/the-fix/wp/2014/11/18/republican-members-of-congress-have-done-better-than-democrats-on-the-market-this-year/>).*

что в США сформировались мощные политические коалиции, заинтересованные в получении значительных прибылей от финансово-экономических санкций, а также от переделов в различных сегментах мировой экономики. Помимо этого, можно сделать вывод и о том, что улучшение российско-американских отношений не в последнюю очередь зависит и от поступательных структурных сдвигов в российской экономике, которые могут с течением времени сформировать и иную конфигурацию российских финансово-экономических интересов в системе мировых экономических отношений.

Список литературы

1. *Каспар А.* Новые деньги. Contra тирании современной финансовой системы. М.: Фонд «Новое тысячелетие», 2014. 310 с.
2. *Роговский Е.А., Васильев В.С.* 2012 г. в США: мобилизационная готовность // Россия и Америка в XXI веке. 2012 № 1.
3. *Роговский Е.А.* Кибер-Вашингтон: глобальные амбиции. М.: Международные отношения, 2014. 847 с.
4. International Banking and Financial Market Developments. Statistical Annex. The International Banking Market // BIS Quarterly Review. December 2014. A153 p. (http://www.bis.org/publ/qtrpdf/r_qa1412.pdf.)
5. Factors Affecting Reserve Balances. Federal Reserve Statistical Release. H.4.1. 2.01.2015. 10 p.
6. Financial Accounts of the United States. Flow of Funds, Balance Sheets, and Integrated Macroeconomic Accounts. Federal Reserve Statistical Release. Z.1. Second Quarter 2014. 11.12.2014. xii + 161 pp.

7. Opportunities Exist to Strengthen Policies and Processes for Managing Emergency Assistance. GAO. Federal Reserve System. July 2011. Washington: U.S. GPO, 2011, iii + 252 p. (<http://www.gao.gov/assets/330/321506.pdf>).
8. *McCulla S, Holdren A, and Smith S*. The 2014 Annual Revision of the National Income and Product Accounts // Survey of Current Business. August 2014. 33 p.
9. US Business Cycle Expansions and Contractions. NBER. 2 p. (http://www.nber.org/cycles/US_Business_Cycle_Expansions_and_Contractions_20120423.pdf).
10. *Rickards J*. The Death of Money. The Coming Collapse of the International Monetary System. New York: Portfolio/Penguin, 2014. 368 pp.
11. Teulings C. and Baldwin R. (ed.). Secular Stagnation: Facts, Causes and Cures. London: VoxEU.org eBook, 2014. XII + 165 pp.
12. The Royal Swedish Academy of Sciences. Scientific Background on the Sveriges Riksbank Prize in Economic Sciences in Memory of Alfred Nobel 2013 Understanding Asset Prices compiled by the Economic Sciences Prize Committee of the Royal Swedish Academy of Sciences. 14.10.2013. 56 p. (http://www.nobelprize.org/nobel_prizes/economic-sciences/laureates/2013/advanced-economicsciences2013.pdf).
13. Fixing the System. President Obama is Taking Action on Immigration. The White House (<http://www.whitehouse.gov/issues/immigration/immigration-action>).